

Ирнэ

A) L O V E

B) U S E

Издано:

Независимым Издательством

будет неприятно.

ISBN-13: 978-1-4716-1984-7

УДК: 1751

Посвящается Саше

Москва 2022

Содержание

от автора	5
вишня	6
тело.....	8
der 32. januar.....	10
zitroneneis.....	12
yellow streak.....	14
сад	18
mercy.....	20
danse macabre.....	22
floodland.....	24
шарф.....	26
конечная.....	28
about, my brain!.....	29
shoot the runner.....	30
fuck me and marry me young.....	32
freckles.....	34
покой.....	36
цвет.....	38
привет, гэз.....	41
я ее ненавижу.....	44
венец.....	46
YO-YO.....	47
с ног до головы.....	49
gift.....	51
the hanged man.....	53
в мире исписанных стен темных парадных	55
серами.....	56
одуванчики.....	58
можно не разуваться.....	60
вокруг все мертвы.....	61
с плеча.....	63
босиком.....	65
on the wire.....	67
город.....	68

дурная привычка.....	70
заглавная буква.....	72
и я больше никогда тебя не видела.....	73
e37.....	75
j8.....	77
gorgeous.....	81
триптих.....	88
очевидно.....	94
про медведя.....	98
kein guter fucker.....	100
viole(n)t.....	105
дорогая.....	107
о земле, клевере и шмелях.....	109
заключение.....	113

от автора

в первую очередь мне следует оправдаться перед зрителем. здесь почти нигде нет заглавной буквы. не потому что я хочу нагнать драму и выпендриться, нет, хотя, я уверена, у большинства примерно такие мысли и появятся.

заглавную букву я берегу для особого случая и вообще отношусь к ней достаточно трепетно. и не думаю, что дополнительная маркировка начала нового предложения после того, как уже обозначено знаком препинания, что закончилось предыдущее, - особый случай. заглавная буква нужна для чего-то большего, чем просто слово, для чего-то, что нужно особо выделить среди слов и без того важных, раз уж они в тексте.

длинных тире здесь тоже нет, и я очень прошу издателей, чтобы они это не исправляли.

внимание! перед прочтением «j8» рекомендуется запастись ручкой, карандашом или фломастером, а также клетчатым листом - хватит тетрадного. попробуйте начертить поля для игры в морской бой и отмечать ходы. возможно, вы поймете все быстрее, чем главный герой.

бииия

я прорастаю корнями привычек в тебя как в почву,
я зацветаю, напившись тобой как грунтовой водой.
людям так нравится строить логические цепочки,
а я не умею, я не умею, мне это не нужно..?
и если ты далеко, по ветру как по почте
можешь послать мне запах цветущих садов,
чтоб у меня был повод ревновать к ним твою ладонь,
от касаний которой ко мне все из меня выцветает наружу.

если тебя обожжет злое солнце, то я постараюсь укрыть
тебя тенью кроны своей от яркого света.
я не умею любить человечно, не умею любить наразрыв:
разорванное обычно сшивается и заживает;
я могу лишь наразлом, до щепок, до смолы из коры,
до треска глупых беспомощных тонких веток, -
но пока я стою, и мной шумит дикий бесстыдный ветер,
и остается сколько-то там часов человечьего мая.

если ты хочешь, я перестану цвести или плодоносить -
или начну, если попросишь, - я возражать не посмею...
смола потечет по мне - как у людей кровь из носа, -
только без цвета, вкуса и запаха, можешь ее убрать.
сок моих кислых ягод опять переплавлен в осень,
и под моими корнями опять засыпают змеи -
осень уйдет однажды, и ты уйдешь вместе с нею,
а я останусь плакать смолой из звездного серебра.

я буду любить, быть может, нежней, чем мои лепестки,
и неприятней, чем кислота моих мелких костлявых ягод.
ты можешь не трогать, можешь не видеть моей зеленоей тоски, -
мы не зовем и не просим, мы не умеем, как люди, -
можешь не говорить при мне о деревенских и городских,
можешь отдать мой небольшой урожай бродяге...
я не прошу быть со мной - у меня не хватит отваги -
да и расти со мной скучно: мой шелест довольно нуден.

если захочешь послушать мой голос - я стану скрипкой
и запою, как ты мне повелишь, пока не иссякнут силы.
...смола застывает и перестает быть липкой,
трутовики жрут меня нитями, завязи гибнут в тумане...
ты не приходишь читать под меня, не смотришь с улыбкой,
и я не прошу вернуться - мы никогда не просили, -
но мне, если честно, хотелось бы умереть красиво:
мне бы хотелось, чтобы меня без тебя не ломали.

мне прорастать бы, пуская побеги, на многие метры вокруг,
но у тебя есть право прижечь мои дерзкие темные корни.
жги, вырубай - я заслуживаю! - всей силой твоих добрых рук:
незачем нам кредиты доверия, мы по-людски не можем.
мы - такие, как я, - заворачиваемся в кору
и не любим по-вашему: нам по-своему не зазорно,
мы умеем только сгнивать от тоски и гореть до угольев черных,
и мы падаем: к черту смелость, смирение нам дороже.

ты прости, если я зацветаю как-то не так,
если рвусь корнями бестактно, если громко шумлю листвой...
если хочешь - спили под корень и сложи поленницей на чердак,
чтобы тело мое усохло и не истекало смолой.
и когда накатит за осенью зимний студеный мрак
и за окнами зачернеет ветками сад заснеженный твой,
растопи мной камин - например, в католическое рождество, -
и я стану счастливее, зная, что тебе от меня тепло.

если все-таки сделаешь скрипку, не забудь покрыть лаком:
я, конечно, не человек, но тоже хочу жить долго -
и под лаком я точно не стану смолисто плакать,
потому что скрипка без струн и смычка не плачет.
там, где раньше плелись мои корни, всколосятся сорные злаки,
змеи выроют норы в траве, по осени жухлой и колкой,
бродячая кошка притащит сюда убитую перепелку...
пусть от меня не останется ничего: лучше так, чем иначе.

тело.

*my body is a cage, that keeps me from dancing
with the one i love, but my mind holds the key
(the arcade fire - my body is a cage)*

я бы мог ему рассказать, из кого он сделан.

он протягивает свою правую руку в левой.

у него глаза дикие, острые, звука стали,
его бледная кожа кажется вовсе бумажно белой...

эти люди были когда-то сильными, но устали:

не дано человеку любить того, кого не носили в чреве -
человечки любви погибли, как от мороза посевы.

он глядит на меня, размыкая губы несмело.

я поил его ламмервайном через катетер,
перекраивал его юное лицо - осторожно и точно, -
пока он лежал спящей красавицей на столе...

его выдох - сухой и стеклянный - шелестит словно ветер...

я ведь тысячу раз обласкал его ненормальный скелет...

и его искривленный, ссутуленный позвоночник
изгибает его фигуру, плечо до сих пор кровоточит,
и холодная влажная плоть топорщится лоскутами мертвого цвета.

я вставляю головку кости обратно в сустав,
аккуратно штопаю мышцы - его с не его - на весу...

он стоит и молчит, стиснув до хруста зубы,
и в чужих серо зябких глазах звенит и лязгает сталь.
каждый новый стежок он шокированно молча любит...

каждый новый укол и каждую ниточную полосу...

он есть то, что я наконец-то знаю, но вряд ли произнесу.

я не думал о том, чтобы пить его, я никогда бы не стал...

его кровь нежно и мягко пахнет железом.

я дарю ему боль за болью, пока зашиваю его,
и вонзаю иглу, и тяну эту нитку стежок за стежком,
закрепляю узлом, чтобы потом обрезать...

его пальцы - мужские - на его же предплечье, тонком и немужском.
были люди - и с глаз бы долой да из сердца вон,
были люди - и не оставить бы ничего,
но любая из их любвей не жалка и не бесполезна.

и я штопаю, штопаю его кожу почти как шелк.

он меня не боится. он раскрыт и покорен,

он дает привести все в порядок, дает себя починить.
я не стану его ругать за то, что он утром ушел,
что весь день где-то шлялся, что не держался в тени, -
нет, не стану ругать - сейчас не до разговоров,
смысла нет сейчас ни в строгости, ни в укоре,
главное, что закончилось все относительно хорошо.
я собрал для него все самое лучшее, что только было.

он так ласково режет меня стальным своим взглядом,
неоттаявшим, неуспокоившимся, - режет меня, как мясо.
я закончил латать его, кровь наконец застыла,
мои пальцы от скользкой иглы и нитей чуть не дымятся.
и бинты я накладываю чуть плотнее и туже, чем надо...
я не знаю, должен ли я всегда находиться рядом...

от его умоляюще тихого стона кровь стынет в жилах.
я не должен мешать ему познавать этот мир.

он ломает свои брови домиком и здоровую руку тянет -
так по-детски, ладонью вверх, чтобы что-то в нее положили.
с ним не будет того, что я сделал с теми людьми.

я даю ему руку, и этого нам достаточно - мы неживы.
ни один из них не был, конечно, ни малодушным, ни лживым,
они просто переставали любить, и насилию не будешь мил.
я бы мог ему рассказать, из кого он сделан.
я испил из каждого, но из него - не буду.

он пытается улыбнуться - его тонкие губы дрожат...
он целует меня неумело. его кожа все так же белее мела.
наши крепко сплетенные, испачканные кровью пальцы уже не разжать.
он поймет, он за это меня никогда не осудит.
...я бы мог ему рассказать, куда делись все эти люди.
потому что из них для своей любви сделал тело.

der 32. januar.

- осторожнее, прошу тебя, осторожнее...

уголок его губ дергается.

дирк открывает заклеенное фольгой окно и опускает забрало сварочной маски, отходя к стене (туда, где не зацепит очередь лучей) и позволяя ему утонуть в потоке белого света снаружи.

и стоит он - на темноте, но подставив водянисто бледное лицо солнцу, заключенному в жидкую завесу облаков. стоит и дышит. пьяно, полной грудью, прижмурясь сосредоточенно-отрешенно, он тянет хрусткий и скрипучий запах зимы. дирк знает, как пахнет зима, и совершенно не жалеет о том, что люди этого не чуют. ведь теперь это чует он.

- мне принести тебе очки?

белые его волосы рассыпаются трепещущими языками бесцветного пламени на ветру, когда он качает головой. дирку часто кажется, что этот череп слишком тяжел для такой длинной и тонкой шеи.

темное тепло утекает через окно, его вытесняет ясная широкая стужа. слишком ярко там, а его глаза еще слишком чувствительные... укутавшись в плед, он слегка покачивается, сомкнув веки, и его дрожащие ресницы на свету кажутся вовсе выцветшими. в воздухе витают мелкие легкие хлопья, и они оседают на его бровях, волосах - и на ресницах.

дирк наблюдает, как он делает шаг назад, во тьму, как медленно открывает свои разные глаза, как тянет руки - и как на его широкие ладони, от кончиков длинных пальцев до границы женских запястий, сочится это пресное солнце, высверкивая гладкие сизо розовые рубцы от швов. дирк наблюдает и ненавидит себя.

запер его, как спящую красавицу в замке, чтобы уберечь. зная, что не убережет.

а он - он смотрит на свет в своих руках, уголки его губ дергаются, и на щеках расцветает едва заметный пятнистый румянец, который дирк уже раньше видел и никогда до этого не любил. затем он снова подходит к окну, наклонив голову. зачерпывает пригоршней рыхлый сухой снег с подоконника. бросает. оглядывается на дирка и отступает в тень, кивая - можно закрывать.

кипит чайник. надо разогреть кровь на водяной бане на ужин.

окно - наглоухо, чтобы ни ниточки жестокого белого света снаружи. когда-нибудь дирк будет спокоен за него и позволит выходить, может быть, даже научится отпускать с легким сердцем. когда-нибудь. не сегодня.